⁴⁴ Подробнее см.: *Журавский А.В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004. С. 245–286.

⁴⁵ ЦА ФСБ РФ, ф. архивно-следственных дел, д. Р-31639, л. 57.

⁴⁶ Там же, л. 92.

⁴⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. Ч. 2. С. 829.

⁴⁸ Церковная жизнь эпохи гонений... С. 104.

⁴⁹ Акты Святейшего Тихона... С. 548.

⁵⁰ Журнальные постановления Барнаульского Епархиального Съезда староцерковников, от 15–18 февраля 1927 г. Барнаул, 1927. С. 11; *Краснов-Левитин А.* Лихие годы: 1925–1941: Воспоминания. Париж, 1977. С. 86–87.

⁵¹ Протоколы заседаний Томского епархиального съезда, прошедшего 1–3 марта 1927 года // *Вестник церковной истории.* 2006. № 4. С. 39–40.

⁵² ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 797.

⁵³ Там же, л. 640 об.

⁵⁴ Там же, л. 652.

⁵⁵ Там же, л. 734–735 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, л. 733а.

⁵⁹ Там же, л. 733.

⁶⁰ Подробнее см.: *Мазырин А., свящ.* 1927 год в истории Русской Православной Церкви // *Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года.* М., 2010. С. 11–95.

⁶¹ ГА РФ, ф. Р-5919, оп. 1, д. 1, л. 415–416.

⁶² [*Польский*] *Михаил, свящ.* Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. С. 68.

⁶³ См.: *Мазырин А., свящ.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М., 2006.

© 2012 г. А. Л. БЕГЛОВ*

ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ В СССР В 1920–1930-е ГОДЫ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ТИПОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Сегодня редко встречаются работы, в которых сочетается исследование социальной и церковной истории. Между тем, историк Церкви не может игнорировать социальные процессы, в которые была вовлечена большая часть ее паствы, поскольку все социальные трансформации, происходившие в России и в СССР в XX в., затрагивали положение верующих. Так, распад сословной структуры стал болезненным испытанием для духовенства, а масштабные изменения в жизни крестьянства сказались на жизнеспособности сельских приходов и на судьбе традиционных религиозных практик¹. Одновременно и исследователю социальной истории не следует вовсе оставлять вне поля зрения религиозные сюжеты, предоставляя их освещение исключительно религиоведам или церковным историкам. Ведь профессиональные, семейные и повседневные отношения людей порой невозможно отделить от проявлений их религиозности. Недаром при исследовании повседневной жизни советского крестьянства Ш. Фицпатрик заметное

* **Беглов Алексей Львович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

место отводит религиозной проблематике в ее социальном измерении². Равным образом, занимаясь изучением общественных объединений 1920–1930-гг., было бы неправильно не замечать церковно-образовательные кружки, братства, союзы приходов. Однако эти организации редко привлекают к себе внимание исследователей, может быть, именно потому, что анализ их деятельности требует применения подходов как собственно церковной, так и социальной истории. В результате, в последние 20 лет судьба Русской Православной Церкви в XX в. освещалась несколько однобоко: изучались в основном государственно-церковные отношения³, организация высшего церковного и епархиального управления⁴, но не низовые объединения верующих, которые были в 1920-е гг. довольно заметны, влиятельны и многочисленны⁵. Можно сказать, что изучение православных церковно-общественных объединений еще только начинается. Поэтому необходимо охарактеризовать основные тенденции, наметившиеся в деятельности различных групп православных верующих в довоенный период.

В конце 1910-х и в 1920-е гг. сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, Православная Российская Церковь находилась в состоянии острого конфликта с существовавшей государственной властью, лишившись привилегированного положения и практически всей своей собственности. С другой стороны, эти же годы стали временем невиданной активизации церковно-общественной жизни в самых разных масштабах и проявлениях. «В этот год (1918. – *А.Б.*), благодаря мудрому руководству святейшего патриарха Тихона, церковная жизнь в Москве чрезвычайно оживилась, – вспоминал протоиерей С. Щукин. – Москва покрылась сетью братств, кружков и союзов, так как патриарх отменил границы приходов и разрешил образование междуприходских братств⁶. К деятельности этих братств, руководимых наиболее ревностными пастырями, были широко привлечены и миряне: они пели, читали на клиросе, проводили беседы и даже выступали с проповедями. По вечерам совершались акафисты с общенародным пением и беседами после них. Для детей, лишенных уроков Закона Божия, устраивались беседы с туманными картинками из Священной истории, молодежь собиралась отдельно и занималась изучением церковного устава, Евангелия и т.п.»⁷. «Когда наступила революция, и через какое-то время в Церкви почувствовалась значительная свобода и оживление... – отмечала впоследствии схимонахиня Игнатия. – Батюшка отец Петр собирал детей, которых он поручал нам, уже взрослым подросткам, девушкам, и мы с этими детьми занимались... Сам отец Петр вел занятия по курсу Нового Завета и приглашал нас, молодых прихожанок и прихожан, ...на квартиру к себе, где проводил эти занятия. Таким образом, мы можем отметить полноту богослужения, свободу и большое попечение о том, чтобы в жизнь этого храма, в богослужение были вовлечены молодые члены прихода, и часто мы устраивали особые своеобразные праздники»⁸.

Активизация церковной жизни привела к возникновению разнообразных групп верующих, среди которых самыми заметными были братства и объединения православных приходов. Исчезновение бюрократического контроля над епархиальной и приходской жизнью после упразднения синодального строя создало благоприятные условия для их появления. Кроме того, развитие местной инициативы стимулировалось актами, принятыми Поместным собором 1917–1918 гг., и прежде всего – «Приходским уставом», который предусматривал широкое привлечение прихожан в органы церковного управления⁹. На уровне прихода миряне могли участвовать в деятельности приходского собрания и приходского совета. Собрание, согласно уставу, состояло из всех жителей прилегающей к соответствующему храму территории, как мужчин, так и женщин, достигших 25 лет и участвующих в богослужениях. Оно могло рассматривать любые вопросы приходской жизни, избирать свой исполнительный орган (приходской совет) и рекомендовать епископу тех или иных кандидатов на должности священнослужителей. Именно в его, а не священника, полномочия входило создание социальных и культурных учреждений прихода: школ, библиотек, приютов и т.п. Эти положения «Приходского устава» существенно расширяли возможности для проявления инициативы верующих, которая до революции была строго регламентирована. Так, приходские попечительства, создавать которые стало возможно после издания в 1864 г. соответствующего Положения, могли тратить собранные ими средства только на «благоукрашение храма», содержание причта и на образовательные цели¹⁰. Реформаторы XIX – начала XX в. не столько стремились к расширению при-

ходской активности, сколько искали новые источники материального обеспечения причта, видя в бедности духовенства большее зло, нежели в отсутствии самостоятельности у приходо-дов¹¹. Решения Собора 1917–1918 гг. в корне изменяли эту ситуацию. Не последнюю роль, очевидно, играла и личная позиция новоизбранного патриарха, который исключительно благосклонно смотрел на активную деятельность мирян и их объединений. «Я очень сочувствую участию мирян в церковной жизни и делу объединения приходских советов, – говорил патриарх Тихон во время своей поездки в Петроград в июле 1918 г., – ибо по опыту своему знаю, какую силу и мощь в церковном делании представляет собой мирской элемент, правильно направляемый. Миряне – живая сила. ...Задача братства не в том только, чтобы воодушевлять на мучения и смерть, но и наставлять, как надо жить, указывать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возрастала и крепла. Наше упование – это жизнь, а не смерть и могила. Меня утешает, что приходские советы объединяются, что все вы живете общим соборным разумом. И я уверен, что рано или поздно это будет везде, что в конце концов в каждой епархии будут такие братства, объединяющие приходские общины»¹².

И все же главной причиной активизации объединений православных верующих в первые послереволюционные годы были начавшиеся преследования Церкви со стороны советской власти. Первоначальная реакция Поместного собора и патриарха на изданный 20 января (2 февраля) 1918 г. декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»¹³ была безусловно отрицательной, но объяснялось это не нежеланием Российской Церкви расставаться с привилегиями «господствующей» конфессии, как настойчиво утверждала официальная советская пропаганда¹⁴, а восприятием данной меры и сопутствовавших ей актов как осознанного и целенаправленного кощунства¹⁵. Именно так декрет квалифицировался 25 января (7 февраля) в специальном постановлении Собора, в его воззвании к верующим, выпущенном 27 января (9 февраля) 1918 г., а затем и в появившемся 28 февраля 1918 г. постановлении патриарха и Синода «о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти»¹⁶. Основанием для такой интерпретации декрета были его пункты, провозглашавшие национализацию церковной собственности, в том числе – храмов и находящихся в них святынь. Стремление защитить святыни от поругания вдохновляло духовенство и верующих на сопротивление декрету СНК¹⁷.

Собор и патриарх с самого начала попытались придать этому сопротивлению осознанный и организованный характер. В своем обращении 27 января (9 февраля) 1918 г. Поместный собор фактически призвал верующих к гражданскому неповиновению советской власти¹⁸. Тогда же Собор составил специальную делегацию, которой поручалось установить контакт с представителями советского правительства и вести переговоры, защищая интересы Церкви и добываясь пересмотра наиболее болезненных положений декрета. В нее вошли такие видные церковно-общественные деятели, как бывший обер-прокурор Святейшего Синода и член Собора А.Д. Самарин, профессор Московской духовной академии Н.Д. Кузнецов и др. Делегация начала работать в феврале 1918 г., в сентябре в связи с приближавшимся окончанием работы Собора ее преобразовали в депутацию Высшего церковного управления, действовавшую по крайней мере до 1920 г.¹⁹

Силой, призванной в данной ситуации отстаивать интересы Церкви, по мнению Собора и патриарха, должны были стать объединения верующих. Уже в посланиях Собора и патриарха, опубликованных 19 января 1918 г. (за день до издания декрета), содержался призыв немедленно организовывать «духовные союзы... которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления»²⁰. Призвав верующих к сопротивлению, патриарх Тихон и члены сформированного Собором Высшего церковного управления (ВЦУ) понимали, что ответственность за возможные, в том числе кровавые столкновения с властями, ляжет и на них. Во избежание этого (или, как говорилось в постановлении, «в предупреждение... ошибочных действий»²¹), они стремились придать протестам верующих мирный и ненасильственный характер. Поэтому в постановлении 28 февраля 1918 г. подробно описывалось, в каких формах должно выражаться неповиновение распоряжениям власти²². При этом, безусловно, учитывался опыт Петрограда, где в январе 1918 г. состоялся многотысячный крестный ход в защиту святынь Александро-Невской лавры, а так-

же успех родительских комитетов Москвы, отстаивавших преподавание Закона Божия²³. В постановлении указывалось: «3. При приходских и бесприходских церквах²⁴ надлежит организовывать из прихожан союзы (коллективы), которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства. 4. Союзы эти должны иметь просветительские и благотворительные задачи и именования, они могут быть под председательством мирянина или священника, но не должны называться церковными или религиозными, так как всякие церковные и религиозные общества лишены новым декретом прав юридического лица. 5. В крайних случаях союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти его от отобрания в руки неправославных или даже иноверцев. Пусть храм и церковное достояние останутся в руках людей православных, верующих в Бога и преданных Церкви»²⁵. Аналогичные союзы предлагалось создавать при монастырях и учебных заведениях, причем в последнем случае главную роль в них должны были играть родители учащихся²⁶.

Последующие статьи постановления регламентировали действия епископов, клира и мирян в случаях насилия над духовенством, захвата церковного имущества, посягательства на документы церковного делопроизводства (прежде всего – метрические книги), порядок совершения церковного брака в условиях введения гражданской регистрации брака и развода, а также отлучения от Церкви всех «восстающих» на нее, «причиняющих поругание и захватывающих церковное достояние»²⁷. Об отлучении от Церкви (анафеме) говорилось еще 19 января (1 февраля) 1918 г. в послании патриарха Тихона²⁸. В постановлении же патриарха и Синода уточнялось, как именно должно налагаться данное церковное наказание, и подчеркивался его адресный характер: «Отлучение налагается или на отдельных лиц, или на целые общества и селения за их незаконные действия»²⁹. Анафема явно рассматривалась церковноначалием не как политическая акция, а как мера пастырского воздействия на прихожан.

Таким образом, ликвидация бюрократического контроля со стороны государства и акты Поместного собора создали условия, а репрессивная политика советской власти предоставила непосредственный повод для активизации объединений верующих. Не следует игнорировать и движение белого духовенства, часть которого восприняла падение Российской империи как сигнал для обеспечения своих сословных интересов. Борьба за них особенно ярко проявилась в «церковной революции» и антиепископских выступлениях духовенства в первой половине 1917 г. Но и в 1917–1922 гг. существовали объединения православных верующих, отстаивавшие интересы белого духовенства, которые, как до революции, так и после нее, легко приобретали политическую окраску³⁰. Однако вопрос о том, в какой степени сословное движение «бельцов» влияло на церковно-общественную активность послереволюционных лет требует дальнейшего изучения.

Рассмотрим различные типы церковно-общественных объединений, которые во множестве возникли в первой половине 1918 г. во исполнение постановления патриарха и ВЦУ или еще до его издания. Попытка захвата Александро-Невской лавры в Петрограде и успешная защита верующими столичной святыни привели к появлению в конце января 1918 г. «Братства по защите святынь Александро-Невской лавры» (Александро-Невского братства)³¹. Обстановка в Петрограде зимой 1917/18 гг. быстро обострялась. 3 января 1918 г. советская власть осуществила захват синодальной типографии, что, как стало ясно позднее, было частью общего плана изъятия имущества Синода в столице. Уже это вызвало болезненную реакцию духовенства и верующих, в том числе рабочих синодальной типографии. Однако попытки переговоров с представителями советского правительства с успехом не увенчались³². В накалившейся атмосфере Народный комиссариат государственного призрения предпринял попытку занять помещения Александро-Невской лавры для своих нужд (глава наркомата А.М. Коллонтай добивалась этого с 30 ноября 1917 г.). Между тем именно в лавре располагалась тогда резиденция петроградского митрополита Вениамина (Казанского), избранного на кафедру летом 1917 г. путем свободных выборов и пользовавшегося исключительной популярностью среди жителей города. 13 января 1918 г. к нему явился сотрудник наркомата государственного призрения Иловайский с требованием освободить митрополичьи покои для размещения богадель-

ни. Предложение наместника лавры епископа Прокопия (Титова) предоставить инвалидам другие лаврские помещения было отвергнуто. Все это сопровождалось вызывающим и даже кощунственным поведением прибывших с Иловайским красногвардейцев. Митрополиту Вениамину и насельниками лавры было предоставлено несколько дней для переезда. Тем временем, 14 и 17 января состоялись многолюдные собрания духовенства и мирян, которые решили обратиться к властям с письменными и устными протестами против экспроприации синодальной типографии и покушения на Александро-Невскую лавру, разъяснить верующим и всем жителям города смысл происходящих событий, в которых участники собраний видели «открытые гонения на православную Церковь и православную веру», и наконец, начать агитацию среди матросов и солдат с призывом не участвовать в поругании православных святых. На последнем собрании было принято также решение в ближайшее воскресенье, 21 января, провести общегородской крестный ход «из всех храмов столицы» к Александро-Невской лавре³³.

19 января в лавру снова прибыл отряд матросов и красногвардейцев во главе с Иловайским, который потребовал у владыки Прокопия сдать ему все лаврское имущество. После того, как отказавшийся сделать это епископ был арестован, находившиеся во дворе богомольцы ударили в набат. К монастырю начали стекаться толпы народа, разоружившие матросов и Иловайского. На помощь к нему прибыл новый отряд матросов и красногвардейцев. Они установили во дворе лавры два пулемета и сделали несколько выстрелов в воздух для устрашения богомольцев. Когда присутствовавший при этом протоиерей Петр Скипетров призвал не расстреливать ни в чем не повинный народ, один из красногвардейцев выстрелил в него и смертельно ранил. Затем пулеметы сразу же были сняты и увезены с территории лавры. В это время монахи с трудом удерживали толпу от самосуда над Иловайским и его сопровождающими.

В результате власти вынуждены были пойти на уступки верующим. Управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич заявил, что правительство не имело намерения отбирать у лаврской братии все имущество, и даже издал распоряжение не препятствовать запланированным на воскресенье крестным ходам. В этот день более 200 процессий из разных частей города и его окрестностей, сливаясь в один крестный ход, с церковными песнопениями направились к Александро-Невской лавре. Численность грандиозного крестного хода оценивалась очевидцами в несколько сотен тысяч человек. В середине дня вся масса народа во главе с митрополитом двинулась от лавры по Невскому проспекту к Казанскому собору, где состоялся молебен, после которого владыка Вениамин произнес проповедь, упомянув в ней и погибшего о. Петра Скипетрова³⁴. Как отмечает современный исследователь А.Н. Кашеваров, этот крестный ход, безусловно, имевший черты мирной демонстрации протеста, стал выражением поддержки Церкви «со стороны широких масс в трудное время испытаний». Вместе с тем события 13–21 января стали катализатором возникновения союзов и братств из мирян для защиты Церкви, и в том числе – Александро-Невского братства³⁵.

Изначально именно защита лавры была основной целью новообразованного общественного союза, и все его действительные члены приносили перед ракой мощей благоверного князя Александра Невского торжественное обещание оберегать святыни лавры до смерти (сопротивление при этом мыслилось исключительно мирным)³⁶. Однако очень скоро первоначальная задача была дополнена другими видами деятельности. Исследователи отмечают удивительное многообразие работы, проводившейся Александро-Невским братством, а современники выделяли такие ее направления, как возрождение традиционного церковного богослужения и вовлечение в сознательное его совершение членов братства, просветительские занятия с самыми разными возрастными и социальными группами, издательская, социальная и благотворительная деятельность, забота об арестованных и заключенных³⁷. Среди благотворительных инициатив братства наиболее значимой была организация нескольких «питательных пунктов» для пострадавших от голода 1921–1922 гг., во множестве прибывавших в крупные города и в том числе в Петроград. Они были устроены в марте 1922 г. на средства прихожан церковью Александро-Невской лавры и получили поддержку со стороны митрополита³⁸.

Александро-Невское братство стало своеобразным координатором самых разных форм церковно-общественной жизни в Петрограде. В частности, его члены и руководители прилагали усилия для продолжения традиций церковного образования³⁹. Братчики встречались среди преподавателей и студентов Богословского института, возникшего 16 сентября 1919 г. по инициативе нескольких десятков членов православных приходских общин, а также Богословско-пастырского училища, куда принимали как юношей, так и девушек, с целью дать богословское образование мирянам (просуществовало до 1927 г., когда его посещали около 70 человек)⁴⁰. Помимо участия в этих епархиальных просветительских проектах члены братства по собственной инициативе устраивали публичные лекции и диспуты, вели тематические кружки и занятия с детьми (в условиях, когда преподавание Закона Божия в школах стало невозможно, руководители братства уделяли им особое внимание). По данным М.В. Шкаровского, они создали 69 кружков для детей разного возраста, привлекая их к участию в богослужениях и крестных ходах, обучая церковному пению и церковно-славянскому языку, устраивая для них специальные вечера⁴¹.

Кружки для более взрослых членов братства были ориентированы на углубленное постижение христианского учения и церковной жизни. Наиболее открытым и популярным был молодежный кружок братства, но существовали также кружок «любителей православного богослужения», миссионерский Сергиевский кружок, богословский кружок в честь святителя Иоанна Златоуста, членами которого были только мужчины (по-видимому, он входил в богословское «Содружество под покровительством святителя Василия Великого», находившееся под руководством лаврских братчиков). Все они начали действовать на рубеже 1910–1920-х гг. Летом и осенью 1921 г. возникли два монашеских кружка – мужской и женский. Первый из них именовался кружком «образованных иноков и стремящихся к монашеству», в него входили не только члены Александро-Невского братства, хотя замысел принадлежал именно им и они же руководили его работой. «Женский кружок по изучению вопросов монашества» состоял уже целиком из членов братства. Каждый кружок посещали более 20 человек, стремившихся к монашеству и рассматривавших занятия как своего рода подготовку к постригу. Некоторые из членов мужского кружка уже в ближайшие месяцы после его возникновения стали иноками, а из членов женского кружка осенью 1922 г. сформировались две нелегальные монашеские общины в Петрограде и Старом Петергофе (современный Петродворец)⁴². После репрессий 1922–1923 гг. мужской монашеский кружок возобновил свою работу, правда, уже в новом составе. Особенно активно он действовал в 1926–1928 гг., называясь кружком по изучению монашества имени преподобного Иоанна Лествичника. В эти же годы собирались и философский кружок братства, в котором читали и обсуждали в основном произведения русских религиозных мыслителей, поддерживая связь с другими неофициальными религиозно-философскими кружками города⁴³.

Общее число активных членов братства достигало 150–200 человек, но людей, входивших в его орбиту и так или иначе принимавших участие в его начинаниях, было значительно больше⁴⁴. Заметную роль среди них играли студенты. В социальном отношении братчики принадлежали в основном к служащим, преподавателям высшей и средней школы, медицинским работникам Петрограда, хотя были среди них и рабочие и работницы фабрик, мещане, извозчики. Около 20% деятелей братства происходили из дворянских семей, а также из семей дореволюционных чиновников и духовенства. Образовательный уровень братчиков был очень высок, многие из них имели высшее образование и ученые степени. В численном отношении в братстве преобладали женщины. По возрасту состав Александро-Невского братства был весьма молодым. Основной части обвиняемых по делу братства в 1932 г. было от 25 до 40 лет, причем большинство из них стали его членами в первой половине 1920-х гг., когда им было от 15 до 30 лет. Трое главных руководителей Александро-Невского братства – епископ Иннокентий (Тихонов), иеромонахи Лев и Гурий (Егоровы) – родились в 1889–1891 гг. Впрочем, среди его организаторов присутствовали и родившиеся в 1870-е гг. известные церковно-общественные деятели: знаток канонического права Л.Д. Аксенов, профессор Н.М. Егоров (старший брат иеромонахов Гурия и Льва), заведующий Богословско-пастырским училищем И.П. Щербов. Период наиболее

активной и плодотворной деятельности братства продолжался до массовых арестов 1932 г., но отдельные его уцелевшие группы, в том числе монашеские общины, существовали вплоть до середины 1940-х гг.⁴⁵

Александро-Невское братство было наиболее крупным и влиятельным церковно-общественным объединением Петрограда. На рубеже 1910–1920-х гг. в городе возникли еще несколько братств, в основном – при приходских церквях, по названиям которых они обычно именовались. Самыми заметными из них были: братство Захарии и Елизаветы, возглавлявшееся одним из будущих лидеров обновленческого движения протоиереем Александром Введенским, Никольское (или – Спасское), руководимое иеромонахом, впоследствии – митрополитом Мануилом (Лемешевским), Воскресенское (при Андреевском соборе), святого Андрея Критского и др. Новые братства возникали в Петрограде вплоть до начала 1922 г. Всего же с 1918 по 1922 г. их насчитывалось там не менее 20⁴⁶.

Примерно в те же дни, когда в Петрограде защищали Александро-Невскую лавру, в Москве возникло братство под руководством протоиерея Романа Медведа. О. Роман в 1907–1917 гг. был настоятелем Свято-Владимирского адмиралтейского собора в Севастополе и благочинным береговых команд Черноморского флота. 25 декабря 1917 г., скрываясь от ареста, он уехал в Москву и в мае 1918 г. был назначен настоятелем храма Покрова на Рву (собора Василия Блаженного), а после его закрытия в феврале 1919 г. – церкви святителя Алексия в Глинищевском переулке. Буквально через несколько дней по приезде в Москву о. Роман выступил с инициативой создания «Московского братства-союза ревнителей и проповедников православия». Устав этой организации, поданный им на утверждение патриарху Тихону, датирован 12(25) февраля 1918 г. Патриарх одобрил его, наложив резолюцию: «Господь да поможет ревнителям “совершить то дело”, кое так нужно ныне». С 1919 г. братство носило (возможно, неформально) имя святителя Алексия, митрополита Московского, по названию храма, в котором служил о. Роман, и ставило перед собой прежде всего церковно-просветительские цели⁴⁷. Так, в § 1 его устава говорилось: «Цель братства-союза: на основах – жизнь по вере и проповедь Евангелия – объединять православных христиан, ревнующих о своем спасении и обновлении жизни церковной»⁴⁸. Одной из своих важнейших задач братство провозглашало «приготовление проповедников из числа мирян» (§ 3), которые рассматривались как главные защитники «веры и церковных святынь». «Непосредственным покровителем» братства считался патриарх⁴⁹. Это братство просуществовало до февраля 1931 г., когда о. Роман и около 30 братчиков были арестованы и приговорены к различным срокам заключения. Храм вскоре был закрыт и разрушен, а значительная часть прихожан стала посещать близлежащий (также не сохранившийся) храм преподобного Сергия на углу Большой Дмитровки и Козицкого переуллка, где тогда находилась община бывшего Высоко-Петровского монастыря, известного своими духовными руководителями⁵⁰.

И все же на протяжении 13 лет существования братства приход протоиерея Романа Медведа жил довольно интенсивной и насыщенной жизнью. Сам о. Роман ежедневно совершал утреннее и вечернее богослужение. Постоянно и бесплатно в церковных службах в качестве чтецов, певцов, звонарей и т.п. участвовали члены братства, они же выполняли все работы по храму. Братство было разбито на группы, в которых более старшие духовно наставляли недавно пришедших, а также вели с ними занятия по изучению Евангелия. Старшие сестры носили на головах белые апостольники. О. Роман руководил духовной жизнью каждого братчика через исповедь и специальные еженедельные покаянные беседы, которые проходили на так называемой «общей исповеди». В братстве святителя Алексия были приняты и некоторые элементы монашеской жизни, в частности такая специфически монашеская практика, как ежедневное письменное «исповедание помыслов». Правда, это касалось лишь тех членов братства, которые давали «обет послушания». Численность братства точно установить невозможно, но она достигала порядка ста человек, а возможно, и более⁵¹.

Следует отметить, что московское и петроградские братства были далеко не единственными подобными организациями. По логике постановления патриарха и ВЦУ, такие объединения должны были возникнуть при каждом храме, монастыре, церковной

школе. Действительно ли это было так, пока не ясно, но свидетельства о существовании и деятельности таких групп сохранились. В частности в июле 1918 г. в Совет народных комиссаров поступило обращение православных приходов, родительских, рабочих организаций и крестьянского съезда Казани в защиту имущества православной Церкви и преподавания Закона Божия в школе. Скорее всего, его подготовило казанское «Братство защиты православной веры», печатью которого заверены подписи под обращением (отпечатанным, кстати, типографским способом). К сожалению, каких-либо иных сведений об этой организации пока нет. В начале 1919 г. в Московской губ. существовало и активно отстаивало права монашествующих «Братство ревнителей Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря». Оно, по всей видимости, состояло из мирян – прихожан монастырских храмов, и было создано во исполнение постановления 28 февраля 1918 г. В Веневе Тульской губ. еще 15 октября 1917 г. возникло Введенское братство, занимавшееся религиозно-просветительской деятельностью⁵².

Важной особенностью ситуации рубежа 1910–1920-х гг. было существование не только самих приходских братств, но и союзов приходов и братств, старавшихся координировать их деятельность в масштабе города или даже епархии. Так, еще в конце января 1918 г. в Москве под председательством А.Д. Самарина возникла «Организация объединенных приходов»⁵³. 28 февраля 1918 г. ее существование было одобрено патриархом Тихоном и Священным Синодом. Любопытно, что это произошло в тот же день, когда было издано постановление, призывавшее к организации религиозных обществ мирян. Скорее всего, московское объединение приходов, существовавшее к тому моменту уже около месяца, и стало тем примером, на который патриарх и ВЦУ опирались при выработке данного документа. В начале марта 1918 г. именно московский союз объединенных приходов организовал охрану патриарха Тихона, состоявшую из добровольцев, которым поручалось не допустить ареста или расправы над патриархом. Активная деятельность этой организации продолжалась до 1920 г., когда ее наиболее яркие руководители (в том числе и Самарин) были осуждены трибуналом по обвинению в сопротивлении состоявшемуся в Звенигороде 1 марта 1919 г. вскрытию мощей преподобного Саввы Сторожевского⁵⁴.

Аналогичные структуры существовали и в других городах и уездах. По крайней мере до 1922 г. работало «Общество православных приходов Петрограда и его губернии» (первое общегородское собрание приходских советов, тогда еще не объединенных в «общество» или «союз», прошло 11 января 1918 г. в связи с захватом синодальной типографии⁵⁵). Уже в марте 1919 г. существовал «Союз церковно-приходских общин Астраханской епархии». В Велижском уезде Витебской губ. в 1921 г. действовал «Союз православных приходов». Сохранились уставы петроградского и астраханского союзов приходов, представленные ими в местные органы власти. Они схожи в своих основных положениях: объединениями руководили регулярно (не реже, чем раз в год) созываемые общие собрания, на которых должны были присутствовать представители всех приходов епархии, избравшие правление, а в Астрахани еще и ревизионную комиссию⁵⁶. Согласно уставам, приходские союзы преследовали преимущественно религиозно-просветительские цели, занимаясь устройством учебных заведений, библиотек, лекций, концертов. Однако, кроме этого, астраханский союз предполагал координировать деятельность своих членов для обеспечения «однообразия церковно-хозяйственного управления приходов», а петроградское общество намеревалось представлять интересы прихожан «перед властями»⁵⁷.

Весной 1920 г. была сделана попытка создать подобный координационный орган и для петроградских братств. 5 мая открылась первая общебратская конференция, которая приняла решение об объединении городских братств в единый союз «на почве религиозно-просветительской и благотворительной деятельности». Структура управления у него была такой же, как и у союзов приходов: общее собрание избирало совет, являвшийся исполнительным органом и действовавший до лета 1922 г. За это время была созвана еще одна общебратская конференция (в августе 1921 г.), разработан примерный устав для новых братств, организованы общебратские моления и крестные ходы, велась миссионерская и издательская работа⁵⁸. Весной 1921 г. митрополит Петроградский Вениамин предложил «связать каким-либо образом братскую деятельность с деятель-

ностью Общества петроградских приходов», которое было официально зарегистрировано. Такая связь могла бы «легализовать» деятельность братств и отвести от них возможный репрессивный удар. Усвоив данную тактику, руководители и члены петроградских братств в дальнейшем при сношениях с властями стали характеризовать свои организации как группы внутри обычных приходских общин⁵⁹.

Значение епархиальных объединений приходов еще более возросло после того, как с первых месяцев 1920 г. ВЧК и местные органы власти приступили к ликвидации епархиальных советов, созданных на основании постановлений Поместного собора 1917–1918 гг. о епархиальном управлении. В январе 1920 г. был упразднен костромской епархиальный совет, в мае – рязанский, в октябре – петроградский и витебский, наконец, в мае 1921 г., одним из последних – московский⁶⁰. Оправдывалось это тем, что они являлись якобы переименованными консисториями – органами управления и духовного суда, существовавшими в императорской России и уничтоженными советской властью⁶¹. В действительности и формально, и фактически епархиальные советы были принципиально новыми учреждениями церковного самоуправления. После их роспуска именно объединения (союзы и общества) приходов брали на себя функции координации церковной жизни, помогая правящему архиерею в управлении епархией. Об этом свидетельствует, в частности, переписка между дошедшими до нас уставами церковных объединений и актами Поместного собора о епархиальном управлении⁶². Однако в условиях гонений это не могло продолжаться долго, и после начавшейся в 1922 г. кампании по изъятию церковных ценностей о епархиальных объединениях приходов уже практически ничего не известно.

Таким образом в конце 1910-х – начале 1920-х гг. возникли и развивались несколько типов церковно-общественных объединений. Прежде всего, это были братства, создававшиеся для защиты церковных святынь, но очень быстро поставившие перед собой просветительские и благотворительные задачи, а также объединения приходов или братств городов и даже епархий, призванные координировать их деятельность на соответствующей территории, и, видимо, бравшие на себя функции ликвидированных властью органов епархиального управления⁶³.

Весной 1929 г. в положении всех конфессий страны произошел перелом. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», принятое 8 апреля 1929 г., и аналогичные законодательные акты других союзных республик фактически свели их деятельность только к богослужению. Созданные для «отправления культа» «религиозные общества» должны были пройти процедуру перерегистрации, после чего оказывались под пристальным наблюдением местных органов власти. Все другие формы церковной жизни были теперь прямо запрещены. Так, в ст. 17 указывалось: «Религиозным объединениям воспрещается: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовывать как специально детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь. В молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа»⁶⁴.

В начале 1930-х гг. сколько-нибудь значимые церковно-общественные объединения были разгромлены. Коллективизация и жесткая антирелигиозная политика первой пятилетки вели, казалось, к угасанию и исчезновению низовых религиозных обществ, помимо официально зарегистрированных приходов. Однако, судя по массовому открытию приходов на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны, добиться этого советской власти не удалось. Число церквей, действовавших в захваченных вермахтом областях, к моменту освобождения равнялось примерно 10 тыс., тогда как летом 1941 г. их насчитывалось в лучшем случае несколько сотен⁶⁵. Так, на Украине после ухода вермахта богослужение совершалось более, чем в 6 тыс., в Белоруссии – почти в 600, а в ранее оккупированных областях России – более, чем в 2 тыс. храмов. Открытие

церквей было массовым и стремительным. Почти 90% их было открыто в первые два года войны, буквально сразу после начала оккупации или даже после ухода советских войск и еще до появления немецкой администрации. В большинстве случаев оно происходило стихийно, по инициативе самих верующих, а не каких-то официальных церковных структур. После того, как храм был открыт, начиналась его подготовка к богослужениям, часто проводились ремонтные работы, которые требовали усилий многих людей, и такие люди находились. Возобновление литургической жизни на оккупированных территориях было делом тысяч конкретных общин – тех самых низовых объединений верующих, которые вроде бы должны были исчезнуть еще за 10 лет до этих событий⁶⁶.

В действительности в 1930-е гг. приходские и монашеские общины не прекращали свое существование, а уходили в подполье. Причем на нелегальном положении оказывались не только сами общины, но и церковное образование и благотворительность, которыми так широко занимались в предыдущее десятилетие братства и другие церковно-общественные объединения. Частью полукриминальной сферы жизни советского общества стала и хозяйственная деятельность религиозных организаций. Но теперь, за редчайшими исключениями, только приходские общины, легальные или лишенные регистрации, оставались носителями всех этих форм церковной жизни. Главной целью и содержанием их деятельности, конечно, было богослужение, совместная молитва, совершаемая со священником или без него⁶⁷. Все остальное приходилось минимизировать или, по крайней мере, скрывать. Характерна судьба бывших членов Александро-Невского братства, которые в начале 1930-х гг. вместе со своим наставником архимандритом Гурием (Егоровым) покинули Ленинград и поселились в Средней Азии (сначала в Ташкенте, а затем и в Фергане). Здесь из когда-то столь разнообразной деятельности братства продолжалась только напряженная духовная жизнь небольшой монашеской общины. Это была сердцевина их бытия, которую следовало оберегать во что бы то ни стало, пожертвовав всем остальным⁶⁸.

Кроме того, многие уцелевшие общины не обладали необходимым потенциалом для сохранения иных, кроме богослужения, форм церковной жизни. Подавляющее большинство их находилось в сельской местности, фактически, это были пусть коллективизированные, но те же крестьянские общины, продолжавшие выполнять не только хозяйственные, но и религиозные функции, поддерживавшие традиционную религиозность своих членов и даже в некоторых случаях консолидировавшие их вокруг притесняемой веры⁶⁹. Именно сельская община, не до конца еще распавшаяся под ударами советской власти, до 1950-х гг. была главной социальной «базой» Русской Церкви⁷⁰. В этом был секрет ее жизнеспособности и причина массового открытия церквей (или ходатайств об этом) в 1940-е гг., но в этом же крылась и одна из причин редукции церковной жизни, сведения ее прежде всего к богослужебной практике. Члены сельских приходских общин часто не имели ни необходимого образования, ни организационных возможностей для расширения церковной деятельности. Наиболее активные (в том числе и в религиозном отношении) их представители вымывались из деревни на всем протяжении 1930-х гг. Характерно, что в 1944–1945 гг. многочисленные сообщения с мест о благотворительной деятельности православных приходов касаются почти исключительно городских общин. Конечно, они были более заметны для государственных чиновников, чем сельские, однако это свидетельствует и о существовавших навыках и традициях такой работы именно у горожан⁷¹.

Можно констатировать, что падение синодальной системы государственно-церковных отношений, деятельность Поместного собора 1917–1918 гг. и большевистский революционный переворот с последующими репрессиями в отношении Церкви привели к появлению значительного числа церковно-общественных организаций – братств, обществ, союзов, кружков. Они проводили активную работу, охватывавшую практически все возможные сферы общественной жизни, за исключением, пожалуй, политики. При этом данные объединения возникли в результате именно церковного творчества, их деятельность укладывалась в рамки канонов и пользовалась поддержкой священноначалия. Вскоре политика советской власти привела к их исчезновению, а сохранившиеся приходы вынуждены были ограничиться исключительно совершением богослужения. Тем самым пресекались поиски новых форм церковной жизни, более соответствующих ожиданиям верующих XX в., и, по

сути, консервировался привычный уклад приходской деятельности, связанный прежде всего с богослужением и характерный для синодального периода. Это вновь говорит о консервативном характере советской модернизации, совершавшей прорыв в современность, опираясь на старые, отжившие социальные механизмы, которые общество уже было готово преодолеть⁷². Недаром в послевоенный период даже самые осторожные призывы расширить внебогослужебную жизнь воспринимались священноначалием как сознательная или бессознательная провокация, способная нарушить с таким трудом достигнутое равновесие государственно-церковных отношений⁷³.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 202–247.

² *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М., 2008. С. 13–14.

³ *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999; *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; *Одинцов М.И.* Государство и церковь: история взаимоотношений. 1917–1938. М., 1991; *он же.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999.

⁴ *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997; *Каишеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005.

⁵ Исключение составляют лишь публикации петербургских историков: *Антонов В.В.* Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // *Минувшее: Исторический альманах.* Вып. 15. М.; СПб., 1993. С. 424–445; *он же.* Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде // *Санкт-Петербургские епархиальные ведомости.* 2000. Вып. 23. С. 103–112; *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство. 1918–1932 годы. СПб., 2003; *Зегжда С.А.* Александро-Невское братство. СПб., 2009.

⁶ В действительности образование межприходских братств (без отмены «границы приходов») было предусмотрено ст. 13 Приходского устава, принятого Поместным собором Российской Церкви 1917–1918 гг. См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. М., 1918. С. 39–41.

⁷ *Щукин С., прот.* «Не гонитесь за большим» // *Концевич И.М.* Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 534. Ср.: *Дамаскин (Орловский), игумен.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Руской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. Тверь, 2000. С. 302.

⁸ *Игнатия (Пузик), схимонахиня.* Мой XX век // *Альфа и Омега.* 2008. № 1(51). С. 233, 235.

⁹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 3–41.

¹⁰ Подробнее о деятельности приходских попечительств в Москве см.: *Панкрат Т.В.* Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы (вторая половина XIX – начало XX столетия). М., 2011.

¹¹ *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 328–362; *Федоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 213–217; *Курляндский И.А.* Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности (1700–1917 годы) // *Религии мира: История и современность.* 2004. М., 2004. С. 178–182.

¹² *Современники о Патриархе Тихоне.* Т. 1. М., 2007. С. 301–302.

¹³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 29–30. Позднее этот декрет публиковался под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

¹⁴ См., в частности, одно из самых ранних подобных выступлений – статью члена комиссии «об отделении церкви от государства», снявшего с себя сан священника М.В. Галкина: *М.Г.* Первые шаги на пути отделения церкви от государства // *Правда.* 1917. 3(16) декабря. № 27(205); *Кравецкий А.Г.* К истории появления «Декрета об отделении церкви от государства» // Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002. С. 424–435.

¹⁵ Проект церковно-государственного соглашения, разработанный Поместным собором 1917–1918 гг. и окончательно утвержденный им 2 декабря 1917 г., говорил не о «господствующем», а о «первенствующем» положении Православной Церкви в России. Первое понятие, использовавшееся в Основных законах Российской империи, подразумевало правовое ограничение инославных и иноверных конфессий, тогда как второе, согласно пониманию, предложенному Собором, – указывало исключительно на первенство чести и не предполагало каких-либо ограничений в правах. Подробнее см.: *Беглов А.Л.* От соборного определения – к декрету СНК. К вопросу о генезисе государственно-церковных отношений советского периода // *Альфа и Омега.* 2007. № 1(48). С. 146–170; *он же.* Православная Церковь перед лицом светского государства: Поместный собор 1917–1918 гг. о принципах государственно-церковных отношений // Православная Церковь и государство в исторической судьбе России. Материалы IV Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Нижний Новгород, 2008. С. 66–79; *он же.* Советское законодательство в отношении Русской Православной Церкви 1920–1940-х гг.: колебания границы легальности // *Религии мира: История и современность.* 2004. С. 211–212.

¹⁶ Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 815–821; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 30–35.

¹⁷ Такое отношение к декрету 1918 г. впоследствии будет радикально пересмотрено: реализация заложенных в нем положений станет восприниматься частью епископата и верующих как гарантия существования и внутренней свободы Церкви. Это объясняется тем, что в ходе кампании по изъятию церковных ценностей 1922–1923 гг. Православная Церковь была поставлена перед лицом беспрецедентной репрессивной волны со стороны государства и поддержанного властью «обновленческого» движения. На новом восприятии декрета строилось уже письмо, направленное патриархом Тихоном председателю СНК СССР А.И. Рыкову 8 мая 1924 г., а наиболее ярко и последовательно оно было выражено в «Памятной записке соловецких епископов правительству Союза ССР» 1926 г. См.: *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1. М., 1999. С. 126–130; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 206–217.

¹⁸ Ср. *Кашиеваров А.Н.* Указ. соч. С. 136.

¹⁹ Там же. С. 138–159, 288–294.

²⁰ ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 839, л. 1–1 об.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 25.

²¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 31.

²² Там же. С. 30–35. Ср. обращение патриарха Тихона к епархиальным архиереям 9 апреля 1922 г. с осуждением насильственного сопротивления со стороны части верующих изъятию церковных ценностей: ГА РФ, ф. 353, оп. 6, д. 11, л. 120.

²³ *Кашиеваров А.Н.* Указ. соч. С. 100–115, 130–131.

²⁴ Согласно Приходскому уставу, принятому Поместным собором 1917–1918 гг. (ст. 11–12), бесприходскими церквями могли быть городские соборы (кафедральные и уездные) и кладбищенские храмы (Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 35–38).

²⁵ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 31.

²⁶ Там же. С. 31–32.

²⁷ Там же. С. 32–35.

²⁸ ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 839, л. 1 об.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 23–25.

²⁹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 33.

³⁰ Подробнее см.: *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархии после Февральской революции). СПб., 2008; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен: (конец 1890-х – 1918 гг.) М., 2002. С. 318–342; *Балакишина Ю.В.* Жизнь и деятельность протоиерея Иоанна Егорова. Работа... бакалавра богословия. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2004.

³¹ *Кашиеваров А.Н.* Указ. соч. С. 110–111; *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 9–14.

³² *Кашиеваров А.Н.* Указ. соч. С. 97–100.

³³ Там же. С. 101–105.

³⁴ Там же. С. 105–109; *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 9–12.

³⁵ *Кашиеваров А.Н.* Указ. соч. С. 109.

³⁶ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 301–302.

³⁷ *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 24–25.

³⁸ Там же. С. 40.

³⁹ О состоянии церковно-образовательной деятельности в этот период см.: *Кашевара А.Н.* Указ. соч. С. 276–288; *Беглов А.Л.* Православное образование в подполье: страницы истории // Альфа и Омега. 2007. № 3(50). С. 153–172; *он же.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 52–59.

⁴⁰ *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 28–29, 119–121. О петроградском Богословском институте см.: ГА РФ, ф. 2306, оп. 1, д. 2323, л. 3–7, 10–11, 13–14, 17–17 об.; *Кашевара А.Н.* Указ. соч. С. 285.

⁴¹ *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 35–39.

⁴² *Вероника (Котляревская), монахиня.* Воспоминания монахини. San Francisco, б.г. С. 36–37; *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 53–58, 77–81, 111–117; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 44–46.

⁴³ *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 34–36, 111–118.

⁴⁴ Там же. С. 25, 27, 158, 170, 195–262. По данным Шкаровского, только по делу Александро-Невского братства в 1932 г. проходило около 100 человек, а еще не менее 50 известных по именам братчиков и братниц оставались на свободе. При этом он замечает, что Крестовая Успенская церковь Александро-Невской лавры, в которой до 1922 г. совершались братские богослужения, вмещала до тысячи человек и часто была полна.

⁴⁵ Там же. С. 25–28, 80, 168, 155–179.

⁴⁶ Там же. С. 41–53; *Антонов В.В.* Приходские православные братства в Петрограде... С. 424–445.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 716, л. 1–2; *Дамаскин (Орловский), игумен.* Указ. соч. Кн. 4. С. 299–301. Ср.: Акты. Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 103. В фонде Наркомата юстиции сохранилось «Дело об уклонении гр[ажданина] Медведя Р.И. от воинской повинности» (ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 716), в состав которого включены выписки из устава братства, сделанные экспертом 8-го отдела НКЮ А.И. Шпицбергом.

⁴⁸ ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 716, л. 1.

⁴⁹ Там же, л. 1 об.

⁵⁰ *Домаскин (Орловский), игумен.* Указ. соч. Кн. 4. С. 308–333; *Игнатий (Лебедев), схиархимандрит.* Письма из заключения // *Игнатия (Пузик), монахиня.* Старчество на Руси. М., 1999. С. 251.

⁵¹ *Дамаскин (Орловский), игумен.* Указ. соч. Кн. 4. С. 304–305. Сведения об этом имеются и в неопубликованных воспоминаниях О.А. Кавелиной и К.А. Калошиной.

⁵² ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 701, л. 133–135; д. 694, л. 142–143 об., 145; *Кашевара А.Н.* Указ. соч. С. 109–110.

⁵³ В документах встречаются различные названия этого объединения: иногда оно именуется «организацией», иногда «союзом».

⁵⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России... С. 99, 888; Следственное дело патриарха Тихона... С. 63–68, 863; *Кашевара А.Н.* Указ. соч. С. 138–139, 184, 260; *Цыпин В.А., прот.* Указ. соч. С. 67.

⁵⁵ *Кашевара А.Н.* Указ. соч. С. 99–100.

⁵⁶ Если это не было простой случайностью, то, возможно, объяснялось тем, что они ориентировались на некий общий образец, например, на неизвестный нам устав московского «Союза объединенных приходов» или на определения Поместного собора 1917–1918 гг. об организации епархиального управления.

⁵⁷ ГАРФ, ф. 353, оп. 6, д. 11, л. 172–173 об.; оп. 2, д. 692, л. 121–124; оп. 3, д. 789, л. 132–132 об. Петроградский устав более краток и сформулирован в более осторожных выражениях, чем астраханский, что, очевидно, было вызвано стремлением его составителей предупредить неудовольствие со стороны представителей Советской власти.

⁵⁸ *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 42–53.

⁵⁹ Там же. С. 51–53.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 353, оп. 3, д. 792, л. 69–70 об.; д. 793, л. 29–29 об.; д. 789, л. 132, 139–141; оп. 5, д. 255, л. 5а. При этом еще в марте 1919 г. НКЮ считал, что епархиальные советы могут существовать как «частные общества» без прав юридического лица. См.: Там же, оп. 2, д. 703, л. 21–22.

⁶¹ Там же, оп. 3, д. 789, л. 40–40 об., 140–141.

⁶² Она чувствуется, в частности, в статьях, определявших срок полномочий членов епархиального собраний и общего собрания объединения приходов в Петрограде, число членов епархиального совета и правления союза в Астрахани, баланс между духовными лицами и мирянами в епархиальном собрании и правлении петроградского общества (Там же, оп. 6, д. 11, л. 172–173 об.; оп. 2, д. 692, л. 121–124; Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 1. М., 1918. С. 20–26).

⁶³ Существовал и еще один тип церковно-общественных объединений, представленный московской Церковно-организационной комиссией, существовавшей в 1919–1920 гг. и призванной в новых

условиях удовлетворять хозяйственные нужды православных приходов. Она фактически выступала посредником между Московским советом рабочих и крестьянских депутатов, в распоряжении которого находилось национализированное согласно декрету 1918 г. имущество предприятий, производивших и продававших церковную утварь, и приходами города. Именно через нее последние получали муку для выпечки просфор, свечи, ладан, масло, вино для совершения литургии. Подробнее см.: *Беглов А.Л.* Церковно-общественные движения на рубеже 1910–1920-х годов // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2009. С. 268–269.

⁶⁴ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 252.

⁶⁵ *Титов В.Е.* Православие. М., 1967. С. 118.

⁶⁶ *Ионов А., прот.* Записки миссионера (Псковская миссия) // *Голиков А., свящ., Фомин С.* Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики: (1940–1955). Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. Жизнеописания и материалы к ним. М., 1999. С. СXXXVI, CXL1; *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002. С. 417, 471; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 67–69, 126–128.

⁶⁷ Подробнее см.: *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»...

⁶⁸ *Иоанн (Вендланд), митрополит.* Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров): Исторические очерки. Ярославль, 1999. С. 107–126.

⁶⁹ *Фицпатрик Ш.* Указ. соч. С. 13–14.

⁷⁰ *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 245–246.

⁷¹ Там же. С. 159–162.

⁷² Подробнее см.: *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

⁷³ Об этом, в частности, писал патриарх Алексий I (Симанский) архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому) в феврале 1949 г.: «Вы как бы упрекаете меня в том, что я не воздвигаю брани с правительством нашим, издавшим декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, – т.к. возбуждение вопроса о разрешении воскресных школ для детей или других каких-либо учреждений для преподавания Закона Божия равняется безнадежному стремлению вызвать существенное изменение основного государственного закона. Как, думаете Вы, отнеслась бы к этому акту гражданская власть? Неужели Вам не понятно, что такое выступление главы Церкви было бы *преступлением прежде всего против самой Церкви?*.. Что же из этого вытекает? Не то ли, что на почве этой свободы мы можем действовать и обучать и воспитывать наших пасомых? Но *не выходить за пределы наших, прав,* и, главное, не пытаться под видом строго-церковного делания, обходить или нарушать государственный закон обязательный для нас, как и для всех граждан... Вся сила нашей энергии должна быть направлена на надлежащую постановку богослужения, на разъяснение св[ятого] Евангелия и богослужебного чина, на создание должного благоговейного настроения верующих» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 109, л. 38–40). Выделенные курсивом слова подчеркнуты патриархом.

© 2012 г. С. В. БОЛОТОВ *

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ И.В. СТАЛИНА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЕВРОПЫ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ В 1940-е ГОДЫ

Религиозная политика 1940-х гг., несмотря на активное ее изучение отечественными и зарубежными исследователями, до сих пор вызывает дискуссии и освещена еще далеко не полно. В частности, пока нет специальных работ, в которых рассматривалось бы влияние этой политики на формирование образа СССР в общественном мнении союзников по антигитлеровской коалиции, а затем – противников в Холодной войне. Разумеется, раскрыть его невозможно без анализа материалов зарубежных средств массовой информации того времени – газетных и журнальных статей, радиопередач и

* Болотов Сергей Вячеславович, кандидат исторических наук.